

АЛЕКСАНДРА
МАРКЕШ

ОБЩЕСТВО
ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке *Евгения Морозова (Eumiltn)*

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Маркеш, Александра Сергеевна.

М26 Общество летучих мышей / Александра Маркеш. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

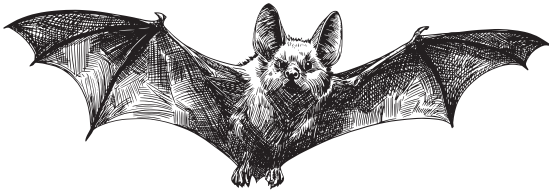
ISBN 978-5-04-235256-0

В Ростове-на-Дону начала XX века действует «Общество летучих мышей», о котором пишут в газетах как о содружестве инициативных молодых людей, пришедших на помощь немногочисленной полиции в ночных патрулях. Но мало кто знает, что его создателем является вампир Рац, собирающий себе подобных для охоты на граждан и постепенного захвата власти. В ложу вступают Агата, хладнокровная карьеристка с низким происхождением, и её подопечный Осип, плут, картёжник и вор, который всё же мыслит и чувствует, как человек. Смогут ли они найти своё предназначение в стремительно меняющемся городе и решить, на чьей они стороне, не потеряв себя в непримиримой борьбе за власть, жизнь и любовь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235256-0

© Мамон А., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА I

Мы с тобою так странно близки,
И каждый из нас одинок¹.

На Всехсвятском кладбище, склонившись над свежей могилой, стояли книгопродавщица и воркарманник. Агата Львовна не стала проявлять излишнюю скорбь и мараить перчатки. Осип тоже скоро перестал бросать горсти земли одну за другой, провожая свою благодетельницу, и удалился. Ажурный парасоль с оборками в руках девушки отбрасывал причудливые узорчатые тени, тянувшиеся вслед за усопшей глубоко под землю. Следуя за ними взглядом, Агата Львовна наблюдала, как могильщик каждым энергичным движением лопаты хоронил ее прежнюю жизнь.

Для сантиментов было слишком жарко. Пропшлой владелице книжной лавки приспичило умереть именно в начале сентября, когда закрытое тра-

¹ З. Гиппиус, «Посвящение».

урное платье ощущалось подобно тесному кокону. Посему ее преемница не стала соблюдать церемонию до конца и, положив букет в новое ложе старой знакомой, поспешила покинуть обитель духов. Эту даму волновали дела более приземленные, чем скорбь.

— Осип! Нам пора.

Юноша ее не слышал. Покинув на время свою спутницу, он гулял среди добротных деревянных крестов, аккуратных надгробий, скамеек и деревьев, робко читая искусно высеченные имена и даты и подсчитывая в уме, сколько было этим людям, когда Ося только родился.

Здесь, окруженный мертвыми, он чувствовал себя еще более потерянным и чужим, чем в приюте для сирот. Ему казалось, что вот-вот из-под земли вырвутся костлявые пальцы и утянут за собой туда, где ему, кровопийце, и место. Деревья, все еще одетые в листву, пытались спрятать в своей тени, но свет солнца, отражаясь от пяти куполов с крестами, все равно вливался в глаза жидким золотом и выжигал нутро. Звон колоколов был подобен ржавому лезвию: такой же острый и отравляющий кровь. Наконец сквозь него прорвался недовольный голос Агаты. Стало спокойно. Она вновь пришла, чтобы вырвать его из кошмара.

— Sapristi!¹ Нашел место для променада! Чего ты тут копаешься?

¹ Черт возьми! (*фр.*)

— Да думаю, это же кладбище для богатых. Наверняка они много побрякушек с собой унесли.

— Вот уж нашел о чем беспокоиться. Не хватало, чтобы ты тут, как собака, рыться начал. Зови извозчика. Нас, должно быть, уже ждут.

— Неужели все? Так быстро оплакала? Поражаюсь, как ты не убила старушку раньше.

— Она учила меня говорить по-французски, жаль, что не успела обучить тебя изъясняться хотя бы на родном.

— Как ты груба! С чего бы это? Неужели Агата Львовна все же тоскует по подруге? Даже перчатки черные напялила в такую жару. — Осип игриво взял ее под локоть. Про себя Агата решила, что в этот день он был похож на расстроенное пианино чуть больше, чем обычно. Такой же громкий и раздражающий. Взять бы и выкинуть к чертям собачьим.

— Не суй свой нос куда не надо. Лучше займись делом.

В открытой коляске мало того, что трясло, так еще и обдувало горячим сухим воздухом. Бессмертные едва ли могли погибнуть из-за подобных мелочей, но обостренные нечистым духом чувства делали поездку по городу в солнечный день подобной прогулке по огненной геенне. Колеса и копыта задорно стучали по мощеной дороге, напоминая звон новых монет. Витражи купеческих домов переливались всеми цветами. Сквозь запах пыли просачивались ароматы специй и духов, повсюду слышались разные голоса и языки. Осип наслаждался тем, что может лицезреть великолепие города с высоты

коляски. Встреча с Агатой несколько лет назад превратила мечты маленького сироты в амбиции еще не состоявшегося буржуа, но тем не менее не исправила некоторые его наклонности и пагубные привычки.

— А в завещании какие имена написаны?

— Такие же, как и в паспортах. — Поддельными документами они были обязаны покойной Клавдии Никифоровне, собственно, как и новой фамилии и даже отчеству, что она дала им в честь своего давно ушедшего на тот свет брата.

— А какое у тебя было до паспорта?

— Агата, я всегда была Агатой. — Ей было плохо и без его вездесущего любопытства, кислого, как перебродившее вино: из-за всех этих траурных приготовлений она дурно питалась последние два дня, а теперь еще тело подбрасывало на каждой кочке, пока на ухо жужжал Осип. Всего несколько бумаг отделяли ее от приближения к высшему свету Ростова. А после можно и спокойно провести вечер у себя в комнате за чтением книги.

— Ой, да будет тебе блекотать¹.

— Следи за языком!

— Приехали. Двадцать копеек. — Прокуренные зубы извозчика издевательски блеснули, купаясь в золотых лучах.

— Как двадцать? Желтая бляха — десять.

— Сударь, да какой же это, по-вашему-с, желтый? Ну темный, может, молочный, не спорю, дол-

¹ Говорить вздор (южн.).

жно быть, на солнце потемнел. У меня зубы желтее, чем эта бляха, ей-богу.

— Обманули дурака на четыре кулака. — Стоило Осипу оплошать, как голос Агаты стал на порядок веселее. — Будешь распускать нюни — такие, как он, так и продолжат смеяться над тобой, Ося.

Агата намеренно произнесла его неполное имя, которым называла лишь в моменты неудач. Да еще как... С нажимом, будто прижигала рану. Ее нравов учения чаще всего ощущались именно так. Чертовски больно, но отрезвляюще. Да, ему действительно следовало уточнить цену сразу. Молодому человеку ничего не оставалось, кроме как заплатить полную стоимость, однако извозчик получил больше, чем ожидал. Рядом с башмаком упала маленькая зеленая булава каштана — Осипа тут же осенило. Когда обманувший его мужчина поехал дальше, колючий шарик полетел вдогонку и попал аккурат в темечко обидчика.

— Ну и придурок, господи прости.

Агата открыла дверь с золотистой ручкой в форме льва и уже собиралась войти, но обернулась и внимательно оглядела своего спутника. Вся затея строилась на том, что они были похожи: оба кучерявые, черноглазые и высокие. Это вполне соответствовало надписи в поддельных документах о степени их родства. В остальном же они являлись полными противоположностями. Осип любил поговорить, но по большей части — ни о чем, Агата же, наоборот, иной раз казалась диковатой, зато непо-

хо разбиралась в вопросах продажи книг и во всем, что было связано с документами.

— Сделай лицо, будто ты образованный молодой человек. — Осип втянул щеки и выгнул одну бровь. — Болван, я серьезно. По завещанию книжный магазин получаешь ты. Кто вообще может тебе что-то доверить?

— Агата, это вопрос бумаг, а не доверия. Если написано, что мое, то мое. Дворяне сколько лет так живут, и ничего.

— Только попробуй ляпнуть что-то подобное при нотариусе.

Наконец она отступила, позволяя ему галантно придержать дверь. Агата подумала, что если он продолжит держаться подобным образом, то, может, все у них и получится. Названные брат и сестра быстро поднялись по лестнице, прошли узенький коридор и остановились у кабинета с дорого выглядящей табличкой. Нотариус открыл дверь, стоило им только подойти. «Ну что за необычайное чутье на деньги!» Агата улыбнулась и протянула руку для поцелуя, про себя радуясь, что никогда не выходит на улицу без перчаток. Нотариус с жиденькими усами, одетый в коротковатый пиджак и еле сходящийся на животе жилет, пригласил их за стол. Осип был рад, что сел не напротив этого тучного мужчины. Казалось, еще чуть-чуть, и круглая, обтянутая тканью пуговка выскочит и вонзится в глаз...

— Значит, вы по поводу завещания покойной Клавдии Никифоровны Фаворовой?

— Именно так-с. — Агата легко наступила на ногу сидящему рядом, чтобы слишком не усердствовал, кивая. Сейчас был его момент. Осип не мог попасть впросак. Впервые ему предстояло назвать свое ненастоящее отчество гордо, а не посмеиваясь в трактире с другом ранних лет. — Осип Львович.

— Приятно познакомиться. С Агатой Львовной я уже имел удовольствие общаться... Значит-с, так. С завещанием все ясно, однако ж ваши документы... вызывают вопросы. Не могли бы вы показать их вновь для сверки.

— Конечно... — Осип повернулся к спутнице, ожидая, что та вытащит особенно ценные для них обоих бумаги, но вместо этого она лишь быстро перебила его:

— Конечно, нет. Они остались дома. Мы не стали их брать за ненадобностью. Вы же уже видели их.

— Даже не знаю, Агата Львовна... — Рука Агаты, из-под которой еле-еле виднелась купюра, проплыла по глади стола. — И правда, зачем снова перепроверять. Выписка готова. — Загребущая ладонь легла сверху. С натянутой улыбкой Агата выдернула свою и тут же засобиравалась, подхватив документ.

— Приятно иметь с вами дело. До свидания.

— Надеюсь, скорого.

Ответ они уже не услышали, унося ноги как можно скорее. Ступеньки сменялись одна за другой, приближая заветную дверь. Все удалось. Осип решил, что этим вечером пойдет развеяться, что бы ни сказала на это Агата. Назад отправились пешком. То, чего они боялись больше всего, закончилось не

так затратно, как могло бы, но девушка, конечно, раскошелиться во второй раз за день на коляску не стала.

Поразительное везение на этом не закончилось: Осип по пути то случайно сталкивался с мужчинами, в карманах пиджаков которых удачно оказывались деньги, то поднимал оброненные женщинами пакеты, попутно прихватывая браслеты и бусы, у которых оказывались чересчур хлипкие застёжки, — в общем, день удался, Осип набрал и бумаги, и металла и возвращался так, словно взял Аустерлиц. Агата, занятая своими большими надеждами, не обращала внимания на него и была застигнута врасплох трамвайным звонком. Казалось, за эти годы все уже привыкли к грохочущим железным коробкам: упитанный рыжий кот с блестящей шерстью вальяжно обошел вздрогнувшую от испуга особу и ухом не повел. Осип лишь покатился со смеху, глядя на Агату.

— Это ж «крейсер»! Чего бояться? Ей-богу, только с тобой в колясках по городу разъезжаю. Трамвай же удобнее!

Щеки девушки налились кровью то ли от смущения, то ли от стыда. Но скорее от злости.

— Эта вещь тебе нравится только оттого, что туда помещается больше народу. Хвастайся, сколько сегодня зевак обобрал?

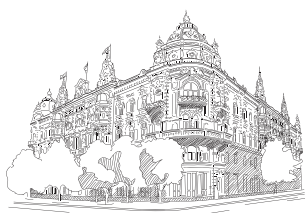
— Да откуда ты...

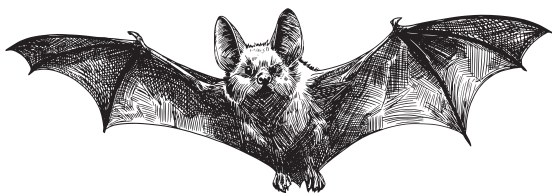
— Я живу дольше тебя. И зрение у меня лучше, чем у этих бедолаг.

— То-то с тебя вечно сыпется.

— Смотри, как бы в итоге не стрясли с тебя. Теперь мы с тобой Агата и Осип Фаворовы, владельцы книжного магазина и комнат сверху. Я очень долго ждала этого момента. Смотри, как бы бессмертие не обратилось в бесконечную муку.

— Бубнишь, как старуха. Ай! Да понял я, все, мне в ту сторону, до вечера...

ГЛАВА II

Буду весел я до гроба,
Удалая голова¹.

Осип не злился на свою названую старшую сестру. Как можно? Она спасла его жизнь, которая должна была закончиться одним промозглым февральским днем среди слякоти и крови. Даже носила кольцо, которое он ей однажды преподнес в годовщину своей смерти. Себе он купил такое же — в пару с ней. Этим вечером перстень, как обычно, блестел на его руке, в которой трепетал веер играль-ных карт.

В трактире «Волк» в Никольском переулке ламп было мало — сэкономили на электричестве. Они здесь были и не к месту. Марево табачного дыма разделяло столы белесыми ширмами, пропитывая своим запахом одежду посетителей, будто ставя на них клеймо. В этом таинственном полумраке черво-

¹ С. Есенин, «Удалец».

вый валет ждал свою даму, и вот они уже сливались в танце, поднимаясь вместе с клубами дыма все выше и выше, туда, где Осип никогда не был. Здесь же и пиковая, которой пугают детей, что лишь дева в вечном трауре, встречающаяся к несчастьям и горестям. Крести, подобные тем, что блестят на куполах, под которыми ему не приносить клятвы, бубны — деньги, текущие красной рекой, питающей чернозем. Туз в рукаве да шестерки и ни одной дамы — вот и все, чем располагал молодой человек в этот вечер, но и этого было вполне достаточно. Его друг детства Сенька думал так же.

— Чего улыбаешься, Осип? Али дамку козырную надыбал?

— Все-то тебе дамы да дамы, Сенька, надо бы быть посерьезнее.

— Не все такие везучие, как ты. Старшая сестра неожиданно объявилась, приютила, обогрела. Взять в толк не могу, отчего ты все еще с нами якшаешься. Мог бы у своей Агаты Львовны денег свистнуть. — Арсений знал его чуть ли не лучше, чем самого себя. Он помнил, что в детстве у Осипа волосы были светлее, что родинок было меньше, что почти незаметная рытвинка под бровью — от ветрянки, а также что никаких родственников у него не было, имя дали ему в детском доме, а вся его любвеобильность — издержки воспитания. Осип с самого детства был очень красив и даже мил, пока не открывал рот. Громкий, улыбчивый, он питался любовью воспитательниц и зачастую избегал наказания, хотя почти всегда был зачинщиком всяких шалостей,